

(1) На этот раз Гараське пришлось, видимо, преодолеть нелегкий путь. (2) Отрепья, делавшие вид, что они серьезно прикрывают его тощее тело, были все в грязи, еще не успевшей засохнуть. (3) Физиономия Гараськи, с большим отвесным красным носом, бесспорно служившим одной из причин его неустойчивости, покрытая жиденькой и неравномерно распределенной растительностью, хранила на себе вещественные знаки вещественных отношений к алкоголю и кулаку ближнего. (4) На щеке у самого глаза виднелась царапина, видимо, недавнего происхождения. (5) Гараське удалось наконец расстаться с столбом, когда он заметил величественно-безмолвную фигуру Баргамота. (6) Гараська обрадовался. (7) - Наше вам? (8) Баргамоту Баргамотычу!.. (9) Как ваше драгоценное здоровье? – (10) Галантно он сделал ручкой, но, пошатнувшись, на всякий случай уперся спиной в столб. (11) - Куда идешь? - мрачно прогудел Баргамот, (12) - Наша дорога прямая... (13) - Воровать? (14) А в часть хочешь? (15) Сейчас, подлеца, отправлю. (16) - Не можете. (17) Гараська хотел сделать жест, выражающий удалство, но благоразумно удержался, плюнул и пошаркал на одном месте ногой, делая вид, что растирает плевок. (18) - А вот в участке поговоришь! (19) Марш! – (20) Мощная длань Баргамота устремилась к засаленному вороту Гараськи, настолько засаленному и рваному, что Баргамот был, очевидно, уже не первым руководителем Гараськи на тернистом пути добродетели. (21) Встряхнув слегка пьяницу и придав его телу надлежащее направление и некоторую устойчивость, Баргамот потащил его к вышеуказанной им цели, совершенно уподобляясь могучему буксиру, влекущему за собою легонькую шхуну, потерпевшую аварию у самого входа в гавань. (22) Он чувствовал себя глубоко обиженным: вместо заслуженного отдыха тащись с этим пьянчужкой в участок. (23) Эх! (24) У Баргамота чесались руки, но сознание того, что в такой великий день как будто неудобно пускать их в ход, сдерживало его. (25) Гараська шагал бодро, совмещая удивительным образом самоуверенность и даже дерзость с кротостью. (26) У него, очевидно, была своя мысль, к которой он и начал подходить сократовским методом! (27) – А скажи, господин городовой, какой нынче у нас день? (28) – Уж молчал бы! – презрительно ответил Баргамот. – (29) До свету нализался. (30) – А у Михаила-архангела звонили? (31) – Звонили. (32) Тебе-то что? (33) – Христос, значат, воскрес? (34) – Ну, воскрес. (35) – Так позвольте... – (36) Гараська, ведший этот разговор вполборота к Баргамоту, решительно повернулся к нему лицом. (37) Баргамот, заинтригованный странными вопросами Гараськи, машинально выпустил из руки засаленный ворот; Гараська, утратив точку опоры, пошатнулся и упал, не успев показать Баргамоту предмета, только что вынутого им из кармана. (38) Приподнявшись одним туловищем, опираясь на руки, Гараська посмотрел вниз, – потом упал лицом на землю и завыл, как бабы воют по покойнике. (39) Гараська воеет! (40) Баргамот изумился. (41) "Новую шутку, должно быть, выдумал", – решил он, но все же заинтересовался, что будет дальше. (42) Дальше Гараська продолжал выть без слов, по-собачьи. (43) – Что ты, очумел, что ли? – ткнул его ногой Баргамот. (44) Воеет. (45) Баргамот в раздумье. (46) – Да чего тебя расхватывает? (47) – Яи-ч-ко... (48) Гараська, продолжая выть, но уже потише, сел и поднял руку кверху. (49) Рука была покрыта какой-то слизью, к которой пристали кусочки крашеной яичной скорлупы. (50) Баргамот, продолжая недоумевать, начинает чувствовать, что случилось что-то нехорошее. (51) – Я... по-благородному... похристосоваться... яичко а ты... – бессвязно бурлил Гараська, но Баргамот понял. (52) Вот к чему, стало быть, вел Гараська: похристосоваться хотел, по христианскому обычаю, яичком, а он, Баргамот, его в участок пожелал отправить. (53) Может, откуда он это яичко нес, а теперь вон разбил его. (54) И плачет. (55) Баргамоту представилось, что мраморное яичко, которое он бережет для Ванюшки, разбилось, и как это ему, Баргамоту, было жаль. (56) – Экая оказия, – мотал головой Баргамот, глядя на валявшегося пьянчужку и чувствуя, что жалок ему этот человек, как брат родной, кровно своим же братом обиженный. (57) – Похристосоваться хотел... (58) Тоже душа живая, – бормотал городовой, стараясь со всею неуклюжестью отдать себе ясный отчет в положении дел и в том сложном чувстве стыда и жалости, которое все более угнетало его. – (59) А я, тово... в участок! (60) Ишь ты!

(По Л. Н. Андрееву)